

РУССКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ В ГРЕЦИИ А.П. ПРОТОПОПОВ: ИСТОРИЯ НАЗНАЧЕНИЯ

DOI: 10.25629/НС.2019.07.04

Томилини А.Р.

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова
Россия, Москва

Аннотация. Статья посвящена истории учреждения поста русского военного агента в Греции, и назначения первого офицера на эту должность – Генерального штаба подполковника А.П. Протопопова. Причиной к тому послужил греко-турецкий кризис 1879 года из-за спорных пограничных регионов, ввиду чего военному ведомству России необходимо было иметь сведения о греческой и турецкой армиях с места событий. Описывается поездка Протопопова в Грецию осенью 1880 года, её организация, ход и итоги. Ввиду успеха миссии Протопопова, в Петербурге было решено учредить постоянный пост военного агента в Греции. Статья использует архивные источники, реконструируя ход событий и восстанавливая их контекст.

Ключевые слова: внешняя политика, военная разведка, Восточный вопрос, Греция.

Введение

В XIX веке, камнем преткновения между Россией и Великобританией стал Восточный вопрос, касавшийся наследия Османской империи. Россия стремилась заполучить контроль над проливом Босфор для защиты своего черноморского побережья, Британия – защитить свои коммуникации в Средиземном море. Планы войны с Россией в 1876-1878 гг., подразумевали сосредоточение воинских контингентов в Гибралтаре и на Мальте, и их отправка морем в Турцию, где они должны были действовать совместно с турецкими войсками против России. Появление британской эскадры вице-адмирала Джеффри Хорнби в Босфоре в январе 1878 года, стало одним из тех решающих факторов, которые заставили русское командование отказаться от занятия Константинополя. Именно тогда в головах русских военных зарождается мысль о захвате Босфора с целью защиты черноморского побережья. Эти факторы требовали организации военной разведки в средиземноморье, которая бы могла вести наблюдение за британским средиземноморским флотом,

Краткий анализ литературы

Однако, история того, как складывалась русская разведка в средиземноморье – мало изучена. Монография В.Б. Каширина «Дозорные на Балканах» чрезвычайно подробно описала организацию, кадровый отбор, методы работы и контекст действий русской военной разведки на Балканах, в частности, в Греции и Турции, однако, она охватила период начала XX столетия, слегка затронув проблему становления русской военной разведки в этих странах. Этот аспект затронут в статьях М.Ю. Асиновской, но он посвящён военно-морской разведке. Однако, приходится констатировать, что становление регулярной военной разведки в средиземноморье всё ещё изучено весьма поверхностно.

Одним из эпизодов становления русской военной разведки на Средиземном море, является командировка в Грецию, в сентябре 1880 года, генерального штаба капитана Александра Павловича Протопопова, по результатам которой, было решено учредить пост военного агента в Афинах, который был им же и занят. В Российском Государственном военно-историческом архиве, в фонде Военно-ученого комитета, отложилось дело об этой поездке, содержащее в себе служебную переписку, касающуюся её организации и рапорты самого Протопопова. Переписка о самом назначении Протопопова осталась в деле о военных агентах за 1881 год. Кроме того, чрезвычайно любопытен сам контекст организации этой командировки, касающийся греко-турецкого конфликта по поводу территориальной принадлежности Фессалии и Эпира.

Внешнеполитический контекст

Интерес Греции к Фессалии и Эпиру, был вызван мегаломанией. Греция создавалась как государство, объявлявшее своей Великой Идеей, преемственность, как и от античной Эллады, так и от Византийской империи, и идея заключалась в объединении земель «от Афин до Константинополя», причём последний должен был стать новой греческой столицей. [16. Р. 77.] Греки намеревались воплотить под этой эгидой создание панэллинского государства, опираясь на панэллинизм эпохи греческой революции 1820х годов, включив все земли с грекоязычным населением – Эпир, Фессалию, Македонию, Фракию, Эгейский архипелаг, Кипр, восточное побережье Малой Азии и даже Восточную Румелию! [16, р. 77]. При этом, греческие вожделия, подкреплялись реалиями желаемых территорий.

Из 354 230 человек, населявших Фессалию, 311 850 были греками-христианами, а мусульман – 38 730. В Эпире из 646 000 человек населения, греков-христиан было 402 000, а мусульман – 244 000 [13, с. 158]. Эти провинции были равнинными, что позволяло выращивать на них пшеницу, а также маслины, табак, виноград, смокву [13, с. 58]. Также, основными статьями экспорта были кожи и ювелирные изделия. В 1877 году Эпир вывез товаров на сумму 250 200 ф.с., ввёз на 249 300, а Фессалия, соответственно 340 080 и 101 360 ф.с. [13, с. 159]. При этом, был силен правительственный налоговый гнет и явное притеснение христианского населения, что вызывало тягу местных христиан на сторону Греции [13, там же].

10-11 февраля лорд Дерби встретился с греческим посланником в Лондоне, И. Генадисом. Лорд Дерби заявил Генадису, что Англия и Австрия занимают сходные с Грецией позиции по Восточному вопросу и предлагал координировать усилия всех стран, одобряя при этом греческую пропаганду в турецких местностях, населённых греками [13, с. 116]. 23 февраля, министр иностранных дел Греции Т. Делянис, направил Генадису циркуляр в котором требовал добиваться внесения обсуждения судьбы греков в Османской Империи на рассмотрение будущего конгресса, о чём Генадис сообщил лорду Дерби 4 марта [13, с. 117]. В Петербурге, на Особом совещании 17 января решили, что присоединение к Греции Крита, Эпира и Фессалии нарушит равновесие в регионе, поэтому в условиях мира, выдвигаемых туркам, было решено ограничиться лишь введением на Крите особого устава по управлению островом, получившем название Органический [13, с. 119]. При этом неучастие Греции в войне против турок стало решающим аргументом в пользу оставления Фессалии, Эпира и Крита за Османской империей [13, с. 120]. Когда был оглашён Сан-Стефанский договор, это известие вызвало бурю негодования в Греции, которая обратилась к Англии, как к защитнице своих территориальных интересов [13, с. 121]. Английская пресса начала активно отстаивать позицию, что Фессалия и Эпир есть греческие земли и необходимо передать их грекам, что давало лондонскому кабинету ещё один предлог для пересмотра Сан-Стефанского мира, [13, с. 122] и возможность использовать Грецию как своего союзника на Балканах в случае войны с Россией.

В начале января 1878 года, в Фессалии началось восстание против турецкого владычества, [13, с. 189] и 2 февраля в Фессалию вторглись греческие войска, числом в 8000 человек. Англичанам стоило огромных усилий, чтобы предотвратить новую войну на Балканах [14, с. 492]. Одновременно, 6 февраля турецкие войска нанесли тяжёлое поражение повстанцам в бою у местечка Макриница, и в марте, после бомбардировки эскадрой адмирала Гобарта-паши прибрежных деревень, где укрылись разгромленные остатки отрядов, повстанцы сдались [13, с. 191]. Аналогичная судьба постигла восстания на Крите, в Эпире и Западной Македонии. Летом 1878 года, 24 статьёй Берлинского трактата было установлено, что Греция и Турция сами договорятся об исправлении своей границы [5, с. 657]. Посему, греки разочаровались в своём британском союзнике и решили действовать сами. Ещё 11\23 октября 1878 года, в рапорте № 6, глава русской делегационной комиссии, генерального штаба генерал-майор Г.И. Бобриков, писал на имя Милютина, что Порту больше всего беспокоит два вопроса: оккупация Австрией провинций Боснии и Герцоговины, и посягательства Греции на Фессалию и Эпир [4, Л. 96].

В дневнике военного министра, генерала от инфантерии, генерал-адъютанта, графа Д.Н. Милютина, греко-турецкий вопрос упоминается в связи с приходом к власти в Англии либе-

рального кабинета У. Гладстона. Милютин записал, что оно взяло курс на принуждение Турции к исполнению условий берлинского трактата [8, с. 188]. Его слова подтверждаются словами самого Гладстона. В своей речи в палате общин 23 июля 1880 г., Гладстон заявил: *«Как бы мы ни желали избежать осложнений, которые будут порождены распадом турецкой державы, тем не менее исполнение турецким правительством своих обязательств по отношению к его подданным не является больше второстепенным вопросом; это вопрос первейшей важности, это цель наших усилий. Если Турция не решится на выполнение своих обязательств, она должна будет сама, как сможет, спасти свою целостность и независимость»* [7, с. 245]. Это означало, что на Англию, как на своего союзника, ни Греция, ни Турция уже окончательно не могли рассчитывать, ибо Лондон взял курс на неукоснительное выполнение Берлинского трактата.

20 мая, Милютин записал, что в Петербург только что прибыла греческая королева Ольга Константиновна с сыновьями [7, с. 201]. Это означало то, что она собиралась лично оказать давление на императора, дабы решить вопрос в пользу своей страны, так как её письма Александру II от 1878 года были написаны именно в таком духе [13]. Интересна запись от 23 июня: *«Новая граница Греции определена единогласным приговором шести держав, но вместе с тем никто не доверяет осуществлению этого решения европейского ареопага. Порта открыто, с некоторым нахальством, протестует против этого решения и заявляет заранее, что воспротивится этому силой оружия»* [7, с. 208]. Министр имел ввиду конференцию шести слов держав, подписавших Берлинский трактат 1878 года, по вопросу о греко-турецкой границе. Ибо работа пограничной комиссии 1879 года не привела ни к чему, и вопросы о передаче порта Дульциньо Черногории и греко-турецкой границе стали основными камнями преткновения международной дипломатии в 1880 году. К берегам Черногории была прислана эскадра из кораблей шести стран – Британии, России, Франции, Италии, Австрии и Германии, под верховным командованием английского адмирала, лорда Сеймура. Однако, Австрия категорически противилась высадке десанта, а Франция вообще не желала каких-либо серьёзных действий [7, с. 229]. Милютин с горечью констатировал в дневнике: *«Европа может опять очутиться в положении крайне неловком, унижительном и неужели снова, как в начале 1877 года, перенесет флегматически пощечину от турок!»* [7, там же].

Упрямство Константинополя в исполнении статей Берлинского трактата, и явное желание Греции и Черногории решить этот вопрос силой, вынуждали Россию быть готовой к вероятной новой войне на Балканах. Ещё в военном сборнике от 1879 года, в разделе «Иностранное военное обозрение», посвящённое балканским странам, чётко писалось – греческая армия двинулась на границы с Фессалией и Эпиром, и в связи с будущей войной против Турции, объявлен призыв рекрут, начато формирование резерва, и было создано 2 пехотных, 4 стрелковых батальона и 3 тяжёлые батареи, а численность армии доведена до 32 000 человек, а с 1 января 1880 года, вступал в силу закон об увеличении численности армии, [11, с. 249] ибо по штатам военного времени предусматривалось иметь 35 118 человек, согласно закону от 17 декабря 1878 года [11, с. 251]. 5 августа 1880 года, был обнародован декрет о призыве резервистов, а армия начал комплектоваться по штатам военного времени [12, с. 83].

Ей должна была противостоять турецкая армия, в которой после войны 1877-1878 гг., начались реформы по перестройке армии и улучшению военного управления. Под руководством нового военного министра, Осман-Нури-паши, в апреле 1880 года, была издана новая инструкция по организации армии, согласно которой, военная доктрина Османской империи сводилась к следующим положениям: привлечение как можно большего числа подданных к военной службе и сокращение сроков службы, что позволяло пропустить через армию как можно большее количество человек и увеличить число обученного резерва. Система низама и ихтиата, редифа 1 и 2 классов, и внутренней милиции мюстахфиз, сохранялась. [10. С. 250.] Так как для призыва наибольшего числа солдат на службу и за контролем по переходу в части резерва требовалось единое управление на местах, то империя была разделена на 7 территориальных корпусных округов, которые были поделены на 8 полковых округов, полковой – на батальонные. Также планировалось создать редифные и ротные округа. Итого, каждой полковой округ

давал три полка – низама, и два редифных 1 и 2 классов [10, с. 252-253]. К лету 1879 года, численность турецкой армии по приблизительным оценкам была в 180 000 человек, из них 20 000 было сосредоточено у Салоник, [11, с. 161] а в начале 1880 в Фессалии и Эпире – 40 000 [12, с. 94]. Однако, несмотря на все планируемые преобразования, армия Турции находилась в плачевном положении. Солдаты месяцами не получали жалования, а летом 1880, начались перестрелки и в вешевом довольствии. В результате чего, солдаты, не имевшие обуви и ходившие почти в лохмотьях, вынуждены были массово продавать свои ружья, чтобы добыть денег на пропитание [12, с. 92].

Ввиду того, что Британия отвернулась от своих бывших союзников – Турции и Греции, они стали готовиться к силовому решению вопроса. Греки собирались взять желаемые территории силой, а турки не желали уступать и готовились защищать свои границы силой оружия. Эти военные приготовления вызывали в Петербурге нужду в информации о греческой, а возможно – и турецкой армиях. Однако, подробностей того, как происходила подготовка новых частей греческой армии, в Петербурге не знали. Поэтому, было решено ознакомиться с ситуацией на месте.

Командировка Протопопова в Грецию осенью 1880 года

В докладе по Главному штабу от 10 сентября 1880 года было написано: *«В виду интереса ближайшего ознакомления с вооруженными силами Греции было бы весьма удобно поручить капитану Протопопову, перед возвращением его в Россию, ознакомиться на месте с боевой готовностью греческой армии»* [1, Л. 2]. Обстоятельства, вызвавшие его в Грецию, были изложены в письме графа Гейдена на имя управляющего русской миссией в Афинах, Н.П. Шишкина от 22 сентября: *«Во время пребывания адъютанта Его величества короля Эллинов подполковника Колокотрониса в Константинополе, в прошлом году, им неоднократно было передаваемо нашему в то время военно-уполномоченному Свиты Его Величества генерал-майору Бобрикову, весьма любезное приглашение прислать в Грецию нашего офицера генерального штаба в видах более тесного сближения двух армий. Такое приглашение было возобновлено подполковником Колокотронисом и в последний приезд в Петербург его величества короля Георга»* [1, Л. 7]. То есть, греки выражали свой интерес в сближении с Россией, в том числе военном, и рассчитывали, что присылка военного представителя России была бы знаком подобного сближения.

Однако, в Петербурге преследовали свои цели, которые были сформулированы в вышеуказанном письме: *«Цель этого командирования заключается в ознакомлении на месте с состоянием вооруженных сил Греции, боевой готовностью её армии»* [1, Л. 7], поэтому Гейден просил Шишкина помочь Протопопову с посещением казарм и училищ греческой армии, а также полевых лагерей на границе с Фессалией и Эпиром [1, Л. 7]. 21 сентября, было высочайшее повелено Протопопову, перед возвращением в Россию ознакомиться с силами греческой армии, [1, Л. 13-14] о чём ему лично было сделано уведомление из Главного Штаба [1, Л. 6].

Греческая и турецкая армии и балканская политика в оценках Протопопова

Из Греции, Протопопов доставил несколько донесений. Первое из них, весьма подробно рассматривало именно то, как шла подготовка войск в Греции, и каких успехов они достигли. В рапорте от 1 ноября 1880 года, на имя Обручева, Протопопов сразу чётко указал на цель Греции – силой отобрать то, что присуждено ей. Для этого, военное министерство довело армию до 50 000 человек и готово увеличивать до 60 000! [1, Л. 20]. О подготовке греческой армии, и её реальном боевом состоянии он писал следующее: *«Резервы, то есть люди, бывшие от 3 до 18 месяцев под знаменами, ещё не призываются. Обучение всех родов войск идет довольно энергично, но по недостатку офицеров и унтер-офицеров встречаются большие затруднения. Пехота дошла до батальонного учения, кавалерия проходит пока одиночное, артиллерия на днях приступит к учебной стрельбе. Обозов не сформировано, парков нет, шанцевого инструмента не имеется ни в пехоте, ни даже в инженерных батальонах. Морское министерство по своим военным приготовлениям значительно отстало от военного. Из всего, что совершается, можно заключить, что греки предполагают довести действующую*

армию до 80 000 человек и кроме того, созвать территориальные войска, о которых пока нет даже и законоположений» [1, там же]. Фактически, греческая армия была сильна только числом, но это число само по себе ничего не значило из-за необученности войск, которые только-только стали учиться строю. Эта неподготовленность истекала, в первую очередь, из-за недостатка офицеров и унтер-офицеров, способных обучать солдат. При этом, солдаты не были должным образом снаряжены и не было обоза, способного поддерживать жизнь армии. Но сами греки не останавливались, и продолжали наращивать численность войска.

Протопопов описывал планы греков о будущем этой армии: «80 000 армия вероятно будет распределена на три корпуса. Фессалийский и эпирский и кроме того, близ Афин будет расположен резервный корпус. За берега свои греки не опасаются, предполагая, что безопасность берегов будет обеспечена европейскими флотами. Вместе с тем, греки надеются, что будут иметь право подвоза морем. Пока сосредоточения не начались, да оно и не может быть начато до того времени, пока батальоны, эскадроны и батареи не будут более или менее обучены и сплочены. Пока эти части представляются толпы новобранцев с весьма незначительным числом инструкторов. Греки предполагают войти в Турцию во что бы то ни стало. Т.е. рассчитывают наступать, об обороне даже временной никто и слушать не хочет. Вследствие такого настроения граница находится совершенно не укрепленной» [1, Л. 21].

Протопопов не остановился только на греческой армии, но и успел ознакомиться с военными приготовлениями турок в Фессалии и Эпире: «На турецкой стороне мы замечаем совершенно другое явление. Турки имеют уже в Фессалии (по греческим же сведениям) 18 000 войска (около 28 батальонов, полк кавалерии и 8 батарей) и в Эпире 10 000 (17 батальонов, 7 эскадронов и 5 батарей). В настоящее время в Эпире и Фессалии призваны рекруты, преимущественно из албанцев, которые должны составить около 12 батальонов, силою в 8 000 человек. Таким образом в настоящее время Турция располагает на границе 36 000. Несмотря на значительное превосходство турецкой армии по её боевым качествам, Порта привела свою границу в оборонительное положение, укрепив пограничную черту блокадами и затем возведя укрепления в следующих пунктах. В Фессалии Армиро, Домоко и Фенер. Пункты эти составляют так сказать, первую линию. Вола, Фарсала и Трикава составляют вторую. В третьей линии находится Лариса – самая сильная крепость Фессалии. В Эпире Арта и Первеса составляют первую линию. Пенте-Пигода (дефиле) Ранясса и Парга – вторую. Таково в настоящее время положение дел на греко-турецкой границе» [1, Л. 21]. Любопытно отметить то, что этот метод действий турок не был продиктован исключительно задачей обороны провинций.

Это была старая турецкая военная доктрина, которой они собирались следовать ещё до начала Боснийского восстания 1875 года. В случае подавления восстания, умирённый район покрывался сетью блокад, высоты укреплялись, в ущельях устанавливали артиллерийские батареи [6, с. 411]. Против России, предполагалось действовать путём создания мощных линий обороны, опиравшихся на крепости и укрепленные районы. Накануне войны, на совещаниях у султана рассматривался вопрос о вероятном плане войны с Россией. На этом совещании было признано, что оборонять всю линию Дуная от Мачина до Виддина невозможно, поэтому стоило расположить войска в четырёхугольнике крепостей Рушук-Силистрия-Шумла-Варна и составить такое расписание войск, чтобы было возможно собрать все силы в кулак в одном месте [9, с. 6-7].

Второе донесение из Греции содержало в себе сведения: «Несмотря на давление европейской дипломатии, Греция продолжает свои военные приготовления с прежней энергией. В настоящее время под знаменами собрано 55. 073 человека, из них 1 262 офицера и 6 532 унтер-офицера. Предполагается продолжать усиление этой армии. Вместе с тем, производятся работы, имеющие целью выработать различные законоположения об армии. Недавно обнародованы законы, сокращающие сроки службы на производстве в унтер-офицеры. Делаются новые закупки оружия и военных судов и т.д. Король и министерство единодушно высказывают намерение добывать силою то, что им отдано в Берлине» [1, Л. 26]. По сути, греки

твёрдо шли к намеченной цели – создания большой 60 000 армии, и активно занимались созданием многочисленного и обученного резерва, путём сокращения сроков службы и прогонном через армейские ряды как можно большего количества человек. Для их обеспечения, необходимо было оружие – закупки явно указывают на то, что Греция не могла сама обеспечить столь многочисленное войско.

Протопопов далее, писал, как к этому намерению относятся Германия и Франция: *«Пруссия через своего представителя Радовица стремится удержать Грецию, устрояя её турками. Франция явно показывает недовольство по поводу вооружения Греции, новый её министр, граф де Мури, действует в духе Радовица. Адмирал французской эскадры в настоящее время получил приказание разослать большую часть судов по портам: Каттаро, Тунис и Воло. Такая демонстрация, указывающая на нежелание Франции поддерживать Грецию, не особенно приятна грекам, которые предполагают, что на случай столкновения им будет гарантирована неприкосновенность берегов. Присутствие значительного числа иностранных военных судов в Пирее, конечно, могло вынудить турок воздержаться от действий против Пирея»* [1, 26-27]. Это вполне подтверждается словами графа Милютина, который указывал на нежелание Франции участвовать в каких-то силовых акциях в Средиземном море, что показали действия международной эскадры у Дульциньо [8, с. 229]. При этом, Протопопов показывает на то, что стратегия Греции строилась на предопределённой международной защите её берегов от возможной турецкой атаки. Однако, настороженное, даже негативное отношение великих держав к предполагаемой войне серьёзно нарушало все расчёты Греции.

При этом, Протопопов выделил одну из основных причин столь активной и упорной подготовки Греции к войне, невзирая на неблагоприятную для оной внешнеполитическую обстановку: *«Греки сильно рассчитывают на восстание в Эпире, Фессалии и на островах, откуда волонтеры прибывают с каждым пароходом. Волонтеров набралось уже 3 000 человек. В случае если греки проникнут в Эпир и Фессалию, они предполагают организовать там новые части, для которых заготавливают оружие. Кроме этого, греки сильно рассчитывают на то, что при вооруженном столкновении поднимутся славяне в Македонии, Румелии и Болгарии. Они думают, что стоит им начать, чтобы весь балканский полуостров очутился в огне, и что тогда они не удовольствуются Эпиром и Фессалией, а останутся там, где найдут нужным. Такие мечтания слышатся в самых высших сферах греческого общества и правительства. На днях остров Крит прислал Греции знамя и 108 мулов. Последнее составляет весьма полезное приобретение для Греции»* [1, Л. 27]. Весьма любопытно то, что иллюзии 1876-1878 годов, не покинули Грецию и в 1880 году, когда в Афинах лелеяли надежду на некое всеславянское восстание, которое сгруппируется вокруг греческой армии, а сама Греция получит гораздо более крупное вознаграждение, чем две провинции. По словам посла в Греции П.А. Сабурова, в Афинах желали включить в состав королевства ещё и Фракию с Македонией, и греки были твёрдо уверены, что Фессалия и Эпир уже их земли, и они должны позаботиться о Македонии [14, с. 492]. Посему, увеличение армии и её подготовка к войне – были теми мерами, которыми Греция намеревалась исполнить свою мечту о «Великой Греции» здесь и сейчас.

Назначение на постоянный пост военного агента в Афинах

Успех его миссии, убедил Милютина в том, что пост военного агента в Греции был бы весьма полезен с точки зрения наблюдения за восточным Средиземноморьем. В письме на имя Гирса от 16 декабря 1880 года, Милютин писал, что: *«Из представленных в настоящее время результатов его деятельности обнаруживается: что греческое правительство вступило на путь развития своих вооруженных сил до крайних пределов, и что военный пост в Афинах оказался на практике до того удобным, что дал возможность капитану Протопопову в короткий срок собрать весьма важные в военном отношении сведения о сухопутных и морских силах турецкой империи. В виду этих двух обстоятельств, военное министерство полагало бы полезным учредить при нашей императорской миссии в Афинах постоянную военную агентуру. Обращая внимание, однако на то, что в Греции нет ни одного военного агента, ни от одной из держав, быть может, было бы удобно вместо учреждения официального поста во-*

енного агента, иметь в Афинах офицера генерального штаба в продолжительной командировке с причислением к императорской миссии. Предварительно составления всеподданнейшего по сему предмету доклада, я покорнейшее просил бы ваше высокопревосходительство уведомить меня не встречается ли со стороны министерства иностранных дел каких-либо препятствие на пребывание нашего офицера в Греции и причислению его к нашей миссии» [1, Л. 28]. Интересно, что в письме на имя управляющего морским министерством А.А. Пещурова, от 11 декабря 1880 года, Милютин писал, что военная сила и прочность Османской империи базируется на прочности в Проливах, посему важно изучать не только Босфор, Дарданеллы и Мраморное море, но также Эгейского моря [2, Л. 4-5]. Поэтому, Протопопов, объединял в себе должности военного и военно-морского агента в Греции.

Милютин, сделал вывод, что постоянный офицер-наблюдатель в Греции, это весьма удобно как для слежки за греческой армией и флотом, так и за турецкими военными и военно-морскими силами. Посему, по отношению Милютина от 7 января 1881 года за № 829, на имя главы русской миссии в Афинах, он считал необходимым учредить должность военного агента при миссии. Глава миссии, Николай Павлович Шишкин, полностью согласился с министром в важности этого учреждения, и по его словам: «Я не сомневаюсь также, что учреждение при вверенной мне миссии постоянной военной агентуры не могло бы предоставить никаких неудобств, тем более, что за исключением итальянской миссии все прочие имеют секретарей, принадлежащих к военному сословию, что при выборе офицера обладающего осторожностью и тактом, г. Протопопова пребывание его в Афинах будет оно постоянное или временное, не возбудит никаких пререканий ни со стороны греческого правительства, ни других правительств имеющих здесь дипломатических представителей» [3, Л. 69]. Этим письмом, глава миссии дал лестную характеристику Протопопову, и показал на пользу его пребывания в Афинах. Управляющий министерством иностранных дел, Гирс, препровождая его письмо Милютину, прибавил, что в министерство разделяет такую точку зрения [3, Л. 68].

В итоге, по докладу Обручева по Главному штабу, на основании предоставленных сведений, было решено, что: «Пребывание капитана Протопопова в Афинах не только полезно продолжить на весь период греко-турецкого кризиса, но и весьма важно в отношении военного наблюдения сухопутных и морских сил Турецкой империи. При таком указании опыта на военное значение поста в Афинах, дающего возможность наблюдать как за положением военного дела в Греции, так и за силами Турции и Египта, и островами Кипром, Кандией и Мальтой, признавалось бы необходимым в виду согласия министерства иностранных дел обратиться временное командирование капитана Протопопова в постоянное, при чем считать его причисленным к нашей императорской миссии в Афинах» [3, Л. 71]. В этом докладе, были обрисованы географические рамки будущей деятельности Протопопова – не только Греция, но и Турция, Египет и острова Кипр, Кандия, Мальта. Так как по условиям Берлинского трактата 1878 года, Британия оккупировала Кипр, и ещё с 1800 года распоряжалась Мальтой, то круг интересов Протопопова оказывался весьма широк – не только греческая армия, но и армии Турции, Египта, Британии. Также, этот круг показывает заинтересованность русского командования в указанных географических регионах, так как Египет, в случае новой войны с Турцией, снова присылал бы свои контингенты на театр войны, а Британия могла бы воспользоваться своими средиземноморскими армией и флотом для поддержки турок. Поэтому Протопопову поручалась сложная, но важная работа по ведению разведки в восточном Средиземноморье. Таким образом, Протопопов объединил в своём лице и военного и военно-морского агента в Греции. В помощь по сбору сведений на море, ему морское министерство, по просьбе военного министра, придало офицера корабля-стационара в Пирее [3, Л. 112].

Для этого, ему, высочайшим указом, было выделено 3000 рублей содержания и 1200 на негласные расходы, 280 столовых в год, 2 полуимпернала суточных, и на прислугу – 2 металлических рубля в день [3, там же].

Выводы

В июне 1881 года, между Грецией и Османской империей была подписана конвенция, согласно которой Греция получала всю Фессалию и округ Арта в Эпире [15, с. 157]. Кризис окончился и не перерос в войну. Тем не менее, Греция заявила о себе, как о субъекте в международных отношениях на Балканах, что вызвало внимание России к ней в военном отношении.

Русское командование получило полную информацию о реальном состоянии греческой и турецкой армий на местах в результате этой сентябрьской командировки Протопопова. Сам капитан Протопопов, проявил себя как прекрасный аналитик, его донесения отличались точностью оценок, грамотным анализом ситуации. Он четко указывал цели и задачи греческого правительства и армии, описывал те средства, которыми они их достигали, и помещал эти военные приготовления в контекст международных отношений. Такой же точностью отличались и его оценки турецкой армии и общего плана действий турок.

Восторженный отзыв, данный ему посланником в Афинах, и благоприятное впечатление, оставленное его рапортами на военного министра, стали теми факторами, которые привели к решению о его назначении на пост военного агента в Афинах. Именно способности и талант Протопопова, проявленные в этой командировке стали тем фактором, что в его задачу вошли не только наблюдение за армией и флотом Греции, но также за армией и флотом Турции, Египта и Англии. Таким образом, поездка Протопопова в 1880 году, стала катализатором для учреждения столь важного для русской военной разведки поста.

Литература

1. РГВИА Ф. 401. Оп. 3\927 (1880). Д. 60.
2. РГВИА Ф. 401. Оп. 3\927 (1880). Д. 66.
3. РГВИА Ф. 401. Оп. 4\928 (1881). Д. 2.
4. РГВИА Ф. 450. Д. 96.
5. Собрание трактатов и конвенций, заключенных с иностранными державами. СПб., 1888. Т. VIII.
6. Игнатъев Н.П. Дипломатические записки 1875-1877. // Граф Игнатъев и православный восток: документы, переписка, воспоминания. – М.: Индрик, 2015.
7. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. – М., 1940. В 3х томах. Т. 2.
8. Милютин Д.Н. Дневник 1879-1881. – М.: РОССПЭН, 2010.
9. Сборник турецких документов о последней войне. (Приложение к военному сборнику) – СПб., 1879.
10. Сборник новейших сведений вооруженным силам европейских государств. СПб., 1881.
11. Военный сборник. № 127 (5), 1879.
12. Военный сборник. № 135 (9), 1880.
13. Цейхмистеренко С.П. Россия, Греция и Восточный вопрос 1875-1878: страницы истории. – М., 2013.
14. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801-1914. Царствование императоров Александра II и Александра III. – М.: Кучково поле, 2018.
15. История Балкан 1878-1914. На переломе эпох. – М., 2017.
16. Charles and Barbara Jelavich. The Establishment of the Balkan National States, 1804-1920. // A History of East Central Europe. Washington, 1977. Vol. VII.

Томили Александр Русланович. E-mail: alexgranjer1894@gmail.com

Дата поступления: 07.06.2019

Дата принятия к публикации 10.07.2019

**RUSSIAN MILITARY AGENT IN GREECE A.P. PROTOPOPOV:
HISTORY OF APPOINTMENT**

DOI: 10.25629/HC.2019.07.04

Tomilin A.R.

Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow

Abstract. The article is devoted to the history of the establishment of the post of the Russian military agent in Greece, and the appointment of the first officer to this position – the General Staff of Lieutenant-Colonel A.N. Protopopov. The reason for this was the Greek-Turkish crisis of 1879 because of the disputed border regions, which is why the Russian military department needed to have information about the Greek and Turkish armies from the scene. It describes Protopopov's trip to Greece in the fall of 1880, its organization, course and results. In view of the success of the Protopopov mission, it was decided in St. Petersburg to establish a permanent military agent in Greece. The article uses archival sources, reconstructing the course of events and restoring their context.

Keywords: foreign policy, military intelligence, Eastern issue, Greece.

Tomilin Alexander Ruslanovich. E-mail: alexgranjer1894@gmail.com

Date of receipt 07.06.2019

Date of acceptance 10.07.2019